

Понятіе о воинской дисциплинѣ.*)

ГЛАВА I.

Тысячелѣтія существуютъ арміи; роль ихъ необъятно велика въ исторіи народовъ. Нынѣ, какъ и на зарѣ человѣческой культуры, примѣненіе вооруженной силы является *ultima ratio* при международныхъ конфликтахъ и внутреннихъ осложненіяхъ государственной жизни. На пространствѣ вѣковъ пытливая человѣческая мысль не разъ обращалась къ изученію законовъ бытія войска, вырабатывая наилучшіе способы его примѣненія и пытаясь вскрыть самую сущность его, какъ организованнаго единенія вооруженныхъ людей. Много сдѣлано въ этомъ направленіи и современныя арміи управляются часто съ великолѣпнымъ искусствомъ, покоящимся на тщательномъ и детальномъ изученіи технической стороны военнаго дѣла и методовъ примѣненія вооруженной силы. Гораздо труднѣе поддаются изученію тѣ внутренніе сокровенные законы, по которымъ живетъ войско и которые создаютъ изъ разношерстной толпы людей различныхъ взглядовъ, убѣжденій и культуръ единый организмъ, проникнутый однимъ чувствомъ въ достиженіи общей цѣли. Несмотря на всѣ попытки теоретиковъ и практиковъ военнаго дѣла, не установлено точно до сего времени, въ чемъ же заключается та могучая непреодолимая сила, которая заставляетъ солдата отрѣшиться отъ личной воли, чувства страха и идти въ бой, почти на вѣрную

*) Редакція, высказывая свои взгляды на воинскую дисциплину въ № 2 „Воен. Сб.“ (статья И. Ф. Патронова „Старая и новая дисциплина“), имѣла въ виду необходимость практическаго разрѣшенія многихъ вопросовъ въ порядкѣ — что было, что есть (у насъ и иностранцевъ) и что будетъ или должно быть у насъ въ будущемъ. Вопросы эти важны потому, что въ періодъ гражданской войны какъ въ бѣлой такъ и въ красной арміяхъ понятія о воинской дисциплинѣ были совершенно извращены. Далекая отъ совершенства дисциплина нашей старой арміи явилась для бѣлыхъ и красныхъ армій недосыгаемымъ идеаломъ.

Поэтому теоретическія опредѣленія понятія „воинская дисциплина“ не имѣютъ существеннаго значенія, къ каковому заключенію приходится въ концѣ концовъ и авторъ настоящей статьи. Кромѣ того Редакція не согласна со многими теоретическими положеніями автора, обоснованными главнымъ образомъ умозрительно и логически но часто [находящимися] въ противорѣчій съ жизнью. Тѣмъ не менѣе авторомъ высказаны многія интересныя и новыя, хотя, можетъ быть, и спорныя мысли. Считаая все-таки полезнымъ помѣщеніе въ Сборникѣ настоящей статьи, Редакція полагаетъ что правльнѣе было бы озаглавить ее „Философія воинской дисциплины“.

смерть. О томъ, что такая сила есть, о томъ, что существуетъ особая душа арміи не нужно, конечно, много говорить — это познается опытнымъ путемъ изъ самаго бытія арміи, какъ единого организма и не требуетъ, подобно аксіомамъ, особыхъ доказательствъ. Больше того, есть даже и искони установившееся опредѣленное названіе для этой силы — это воинская дисциплина. Давно ужъ стало ходячимъ выраженіе, что дисциплина есть душа арміи и что именно она дѣлаетъ ее тѣмъ, чѣмъ армія должна быть по идее. По словамъ Мольтке „армія безъ дисциплины во всѣхъ случаяхъ есть дорого стоящее, для войны негодное и во время мира полное опасности учрежденіе“. Дисциплина чрезвычайно высоко цѣнилась римлянами, и другого взгляда, конечно, и не могло быть у сыновъ великой имперіи, широко раздвинувшей свои предѣлы съ помощью желѣзныхъ легионовъ. Яркое выраженіе такого высокаго пониманія воинской дисциплины мы находимъ у Валерія Максима, Александра Севера и др.

И вообще, по словамъ Дангельмайера „римскіе полководцы стариннаго образа мыслей считали дисциплину болѣе святой, нежели семейныя узы, и римская исторія представляетъ нѣсколько примѣровъ тому, какъ консулы за преступленія противъ дисциплины приговаривали къ смертной казни своихъ собственныхъ сыновей... Только строгая воинская дисциплина давала возможность римлянамъ оказывать врагамъ то упорное сопротивленіе, которое возбуждало удивленіе современниковъ и потомства; и римляне хорошо знали, что своимъ величіемъ они именно обязаны строгой воинской дисциплинѣ“. „Дисциплина“, говоритъ Десборделье, „это душа арміи, отъ поддержанія и точнаго соблюденія ея зависятъ судьба войска и успѣхъ предпріятій... лишь дисциплина можетъ объединить волю каждаго въ волю начальника, можетъ понудить энергію и храбрость каждой отдѣльной личности слиться въ общемъ интересѣ, можетъ, наконецъ, вызвать все, что обезпечиваетъ побѣду, порядокъ и довѣріе, безъ которыхъ храбрость и самопожертвованіе бесполезны“.

Этотъ взглядъ на воинскую дисциплину вполне усвоенъ нашей военной литературой и законодательствомъ. Въ трудахъ генерала М. Драгомирова („сборникъ за 14 лѣтъ“, „солдатская памятка“ и др.) мы находимъ много вѣрныхъ и цѣнныхъ мыслей о значеніи воинской дисциплины. Въ общемъ же можно сказать, что только войско, спаянное внутреннимъ началомъ воинской дисциплины, достойно этого имени и только на такое войско можно положиться всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ. „Дубовые лѣса“, говоритъ фонъ-Эттингеръ, „не растутъ на движущихся пескахъ“, и эта мысль кажется намъ вполне правильной въ примѣненіи къ войску. Могучее войско можетъ вырасти только на твердой, устойчивой почвѣ воинской дисциплины. И вотъ, несмотря на такое единодушіе въ оцѣнкѣ значенія воинской дисциплины для арміи, несмотря на многочисленные попытки дать исчерпывающее опредѣленіе этому понятію въ законодательствахъ цивилизованныхъ государствъ и въ научныхъ изслѣдованіяхъ многихъ ученыхъ, — понятіе это до сего времени

остається туманнимъ и въ сущности мало раскрытымъ. Простекающія неблагопріятныя послѣдствія совершенно ясны. Нельзя продуктивно трудиться надъ внѣдреніемъ того, сущность чего представляется непостигнутой.

Отсюда большой ущербъ для силы войска, которая, какъ мы видѣли, находится въ прямой зависимости отъ началъ воинской дисциплины. Безъ отчетливаго пониманія требованій ея, работа военныхъ начальниковъ будетъ идти ощупью, — безъ руководящихъ началъ и часто вмѣсто пользы приноситъ только вредъ или, во всякомъ случаѣ, не давать результатовъ, необходимыхъ для нормальнаго бытія арміи. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что по этому основному вопросу наблюдается полный разбродъ мнѣній, путаница понятій и отсутствіе единообразія въ руководящихъ началахъ. Не приходится поэтому также удивляться тѣмъ печальнымъ результатамъ, къ которымъ мы пришли въ итогъ тягчайшихъ революціонныхъ испытаній 1917 года. Армія при этомъ не показала надлежащей стойкости, не обнаружила достаточной силы сопротивленія растлѣвающимъ влияніямъ, шедшимъ съ равныхъ сторонъ, и довольно скоро обратилась въ силу, грозную не для врага, а для государственнаго правопорядка и интересовъ отдѣльныхъ гражданъ.

Причина этого несомнѣнно лежала въ томъ, что наша армія, имѣя наружно весь блескъ и грозное величіе одной изъ могущественнѣйшихъ армій міра, не носила въ себѣ въ необходимой мѣрѣ началъ воинской дисциплины, и, слѣдовательно, была морально лишена той твердой почвы, на которой растутъ „дубовые лѣса“*).

Только этимъ можно было объяснить возникшія въ то время безконечныя словопренія о „старой“ и „новой“ дисциплинѣ. Не во всѣхъ случаяхъ они имѣли началомъ своимъ злусъ волю, желающую подъ покровомъ пышныхъ фразъ уклониться отъ исполненія тяжелаго, но священнаго долга. Иногда, и при томъ нерѣдко, это являлось прямымъ слѣдствіемъ полнаго непониманія истинной сущности воинской дисциплины даже въ офицерской средѣ, и наивнаго убѣжденія, что новыя формы государственнаго устройства должны дать и новое содержаніе этой дисциплинѣ. Въ общемъ же, въ пониманіи этихъ лицъ, „новая“ дисциплина должна быть сознательной, основанной [на чувствѣ долга и добровольнаго подчиненія, въ противоположность прежней „старой“ дисциплинѣ, опиравшейся на принужденіе и силу страха.

Не приходится строго обвинять офицерскій корпусъ за такое шатаніе мысли, — оно имѣло своимъ источникомъ незнаніе и за это долженъ быть посланъ горькій укоръ высшимъ руководителямъ арміи, которые, увлекаясь внѣшними формами, проглядѣли самое главное — душу арміи.

*) Редакція не согласна съ подобнымъ мнѣніемъ о старой арміи. Оно справедливо только въ отношеніи новой арміи — вооруженнаго народа, явившагося на сцену послѣ гибели кадровой арміи.

ГЛАВА II.

Итакъ передъ нами стоитъ вопросъ, въ чемъ же эта душа состоитъ и какое опредѣленіе мы ей должны дать?

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что понятіе это не должно, по нашему мнѣнію, устанавливаться чисто умозрительнымъ путемъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы пытаемся вскрыть сущность реально существующаго организма, выявляющаго свои основныя особенности въ самомъ своемъ бытіи и взаимодействіи составляющихъ его частей. Поэтому нельзя не согласиться съ соображеніями, которыя уже ранѣе высказывались въ нашей литературѣ и сущность коихъ сводится къ тому, что воинская дисциплина есть не болѣе, какъ общій выводъ изъ реальныхъ условій и требованій войсковой жизни вообще и боевой — въ частности. Только изученіе быта войска и тѣхъ цѣлей, во имя которыхъ оно существуетъ, можетъ дать намъ матеріалъ для установленія понятія воинской дисциплины. Эти же реальныя требованія и условія военного быта даютъ намъ критерій для оцѣнки пригодности той или другой теоріи.

Если мы обратимся къ тому наиболее распространенному взгляду на воинскую дисциплину, который живетъ во многихъ европейскихъ арміяхъ, то мы увидимъ, что сущность его, общимъ образомъ говоря, сводится къ принципу законности и повиновенія. Принято считать, что въ этомъ и есть душа арміи, и что она здѣсь находитъ себѣ наиболѣе полное выраженіе.

Такъ, этотъ принципъ положенъ въ основаніе нашего Устава Дисциплинарнаго, который въ ст. I постановляетъ: „Воинская дисциплина состоитъ въ строгомъ и точномъ соблюденіи правилъ, предписанныхъ военными законами“... Декретъ президента французской республики отъ 20 октября 1892 года стоитъ на этой же точкѣ зрѣнія, причемъ главное вниманіе обращаетъ на обязанность повиновенія своимъ начальникамъ. Онъ постановляетъ: „Дисциплина, какъ главнѣйшая сила арміи, требуетъ отъ подчиненныхъ полного и постояннаго повиновенія начальнику и буквальнаго исполненія его приказаній безъ колебаній и ропота“. Правда, такое узкое пониманіе этого вопроса нашимъ и французскимъ законодательствомъ отчасти ослабляется нѣкоторыми другими положеніями закона. Но именно это отступленіе отъ прямолинейнаго проведенія основной мысли лучше всего доказываетъ принципиальную неправильность и неприемлемость ея, до нѣкоторой степени сознаваемую и самимъ законодателемъ. Статья 4 нашего Устава Дисциплинарнаго говоритъ о необходимости для начальника быть справедливымъ въ сношеніяхъ съ подчиненными,

отечески заботиться о благосостояніи вѣрной ему команды, входить въ нужды своихъ подчиненныхъ, быть въ потребныхъ случаяхъ ихъ совѣтникомъ и руководителемъ и пр. „Слѣдуетъ стараться“, постановляетъ французскій уставъ о внутренней службѣ въ ст. I, „добиваться дисциплины добровольной, основанной на высокомъ чувствѣ преданности Родинѣ и на дѣйствительномъ сознаніи долга; это достигается разумнымъ нравственнымъ воспитаніемъ солдата“. Вообще же во французскомъ уставѣ весьма подробно указаны обязанности начальниковъ, чѣмъ отмѣнена мысль, что требованія дисциплины равно обязательны для всѣхъ, а также уделено серьезное вниманіе нравственной сторонѣ воинской дисциплины. У насъ эти стороны развиты не въ достаточной мѣрѣ, несомнѣнно, къ явному ущербу для практическаго дѣла воспитанія солдатъ. Совершенно ясно, конечно, что основное опредѣленіе воинской дисциплины, даваемое нашимъ и французскимъ уставами, не находится въ органической связи съ только что приведенными дополнительными постановленіями.

Изъ принципа безпрекословнаго повиновенія и покорности, естественно, не вытекаютъ обязанности „отечески заботиться о нуждахъ своихъ подчиненныхъ“, а также и вышеприведенныя положенія французскаго устава о внутренней службѣ*).

Несомнѣнно, это является попыткой улучшить и углубить основное опредѣленіе воинской дисциплины, подъ влияніемъ проникающаго въ сознаніе лучшей части арміи болѣе точныхъ и правильныхъ представленій объ основахъ воинскаго воспитанія.

Обращаясь къ оцѣнкѣ этихъ опредѣленій, необходимо прежде всего отмѣтить, что строгое соблюденіе законовъ и повиновеніе есть признакъ совершенно формальный. Исполнять законы и распоряженія начальства можно какъ по высокимъ нравственнымъ мотивамъ (вѣрные долга), такъ и по соображеніямъ низменнаго порядка, напримеръ, изъ чувства страха и пр. Быть лояльнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и согласовать ихъ во всѣхъ проявленіяхъ съ требованіями закона, можетъ какъ лицо съ глубоко воспитаннымъ чувствомъ законности, такъ и человекъ, совершенно безнравственный, чуждый яснаго представленія о высокихъ идеяхъ права и справедливости. Такимъ образомъ, одно исполненіе законовъ или повиновеніе, какъ фактъ, еще ничего не предвѣщаетъ. И если въ средѣ гражданскаго общества вопросъ о томъ, почему и въ силу какихъ соображеній данное лицо проводитъ свои дѣйствія въ согласіе съ требованіями закона является вопросомъ, не имѣющимъ серьезнаго значенія для законодателя, то въ войскѣ онъ приобретаетъ особую и первостепенную важность. Въ гражданскомъ быту важно и существенно необходимо, чтобы членъ общества не нарушалъ чужихъ правъ и до тѣхъ поръ, пока онъ не выходитъ за границы предоставленной ему сферы свободной дѣятельности и не вторгается въ правоохраненную

* Почему не вытекаютъ? Моральная связь между этими двумя положеніями ясна и необходима

сферу интересовъ другихъ, государственная власть остается спокойной и не обращаетъ вниманія на мотивы, побуждающіе дѣятеля къ поступкамъ, согласнымъ съ предписаніями закона.

Не то въ войскѣ. Оно сильно лишь внутренней спайкой, духовной связью всѣхъ составляющихъ его членовъ. Душа*арміи есть коллективная душа всѣхъ воиновъ, ея сила, бодрость и возвышенность въ силѣ бодрости и возвышенности характера всѣхъ входящихъ въ составъ войска солдатъ. Чего нѣтъ въ первомъ, того по общему правилу не можетъ быть и во второмъ и наоборотъ. Поэтому законность, какъ чисто внѣшнее механическое приведеніе дѣйствій воина въ согласіе съ требованіями военного закона, не имѣетъ существеннаго значенія для войска. Подъ внѣшнею лояльностью и часто блестящей личиной могутъ жить самыя презрѣнныя побужденія. Въ такомъ случаѣ, въ тяжелую минуту, въ періоды рѣшительнаго испытанія, когда временно исчезаетъ угроза суровымъ наказаніемъ, открывается во всей своей отвратительной наготѣ истинное лицо такого войска и проявляются самыя худшія инстинкты насильственно подавленной воли. Такая армія, таящая въ себѣ грозныя для государственнаго порядка возможности, по справедливости не есть войско, а механическое соединеніе вооруженныхъ людей. Строить на чувствѣ страха и сводить все воинское воспитаніе къ пассивному повиновенію, — значитъ строить на пескѣ и не заботиться о будущемъ.

Для поясненія того, что не все въ дѣйствіяхъ подчиненнаго обнимается понятіемъ законности и повиновенія, приведемъ примѣръ изъ работы проф. кн. Друцкого.

Въ военное время, въ бурную темную ночь начальникъ посылаетъ двухъ подчиненныхъ съ письменнымъ приказаніемъ за десятки верстъ въ мѣстность, постоянно подвергающуюся нападенію непріятеля. Подчиненные повинуются безпрекословно, но одинъ изъ нихъ въ душѣ проклинаетъ свою судьбу и своего начальника, и лишь изъ страха наказанія исполняетъ приказаніе. Въ пути этотъ подчиненный попалъ въ засаду, устроенную непріятелемъ, пытался спастись бѣгствомъ, но былъ взятъ въ плѣнъ, а находившееся при немъ приказаніе переходитъ въ руки непріятеля. Другой подчиненный, не думая объ опасности пути и не осуждая начальника, бодро пускается въ путь съ единственной цѣлью возможно лучше исполнить порученіе. Онъ также встрѣчается съ непріятелемъ, убѣдился въ невозможности пробиться и, помня о данномъ ему порученіи, уничтожилъ полученную отъ начальника бумагу, за что и былъ убитъ непріятелемъ*). Конечно, въ послѣднемъ случаѣ надлежитъ

*) Приведенный примѣръ опытные строевые офицеры считаютъ неудачнымъ. Первый изъ посланныхъ могъ быть идеальнымъ воиномъ, но захваченный врасплохъ или подъ вліяніемъ внезапно охватившаго его страха во время бѣгства не успѣлъ уничтожить приказанія. Другой же, видя невозможность пробиться, могъ имѣть достаточно времени дабы обдумать положеніе и уничтожить записку.

видѣть примѣръ правильного пониманія воинской дисциплины и своего долга. Между тѣмъ различіе въ способахъ и характеръ исполненія одного и того же приказанія въ двухъ разсмотрѣнныхъ положеніяхъ, зависитъ исключительно отъ душевнаго состоянія того и другого подчиненнаго и степени проникновенія ихъ характера опредѣленными нравственными началами. Вотъ въ этихъ то нравственныхъ началахъ и заключается сущность опредѣляемаго нами понятія. Необходимо, чтобы повиновеніе явилось результатомъ особаго нравственнаго состоянія солдата, которое съ неизмѣннымъ постоянствомъ и строгою необходимостью опредѣлило бы линію его поведенія во всѣхъ случаяхъ жизни. Ясно, что движущимъ элементомъ арміи является исключительно лишь это нравственное состояніе, внѣшнимъ образомъ проявляющееся въ дѣйствіяхъ, согласованныхъ съ интересами арміи.

Заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманіе соображенія проф. кн. Друцкого: „Успѣхъ боевой дѣятельности воиска и самое бытіе этого послѣдьяго возможны только тогда, когда приказаніе не можетъ быть не исполнено, также какъ не можетъ остаться неподвижнымъ вѣсомое тѣло, ничѣмъ неподдерживаемое“. Кроме того, механическое подчиненіе, не озаренное свѣтомъ общихъ идей военнаго служенія, совершенно не соответствуетъ требованіямъ, предъявляемымъ въ настоящее время къ каждому отдѣльному воину. Безъ его самостоятельности, и во многихъ случаяхъ творческой инициативы, трудно рассчитывать на успѣхъ боевой дѣятельности. Тотъ же, кто приученъ лишь безпрекословно подчиняться, слѣпо слѣдуя указаніямъ начальниковъ, тотъ не будетъ способенъ къ проявленію такой самостоятельности въ нужную минуту. Между тѣмъ въ боевой обстановкѣ нерѣдко бывають случаи, когда подчиненный, не получая непосредственныхъ указаній отъ начальниковъ, и не находя прямой опоры въ требованіяхъ закона, долженъ принимать рѣшеніе по своему усмотрѣнію и пониманію.

Такимъ образомъ вышеприведенное опредѣленіе воинской дисциплины не отвѣчаетъ ни теоретическому пониманію, ни практическимъ требованіямъ военнаго дѣла. Между тѣмъ это опредѣленіе, явно несостоятельное, усвоено также и многими теоретиками военнаго дѣла. Оно же, какъ мы указали выше, широко распространено и въ военной средѣ. Естественно, что лица, воспитавшіяся въ подобныхъ взглядахъ, а ихъ было не мало у насъ, склонны были разсматривать утвержденія о необходимости сознательной и основанной на чувствѣ долга дисциплинѣ, о чемъ усиленно и безъ достояточнаго пониманія заговорили въ 1917 г., какъ откровеніе революціоннаго времени и результатъ новыхъ формъ государственнаго устройства. Мы постараемся показать, что понятіе воинской дисциплины ни въ какой зависимости отъ этихъ формъ не находится, и всегда покоилось на незыблемыхъ устояхъ нравственныхъ началъ и сознательнаго отношенія къ своему долгу. Все, что поддерживалось лишь чувствомъ страха и выражалось лишь въ механическомъ повиновеніи приказамъ начальниковъ, съ теоретической точки зрѣнія

не можетъ быть названо воинской дисциплиной, хотя бы въ жизни оно и носило такое названіе. Съ нашей точки зрѣнія послѣднее состояніе является результатомъ дрессировки, муштровки и никогда не должно быть смѣшиваемо съ воинской дисциплиной. Дрессировать съ успѣхомъ можно и звѣрей, но только человѣку съ развитымъ нравственнымъ чувствомъ могутъ быть привиты, путемъ соответственнаго воспитанія, воинскія начала воинской дисциплины. Поэтому нѣтъ и не можетъ быть никакой „старой“ и „новой“ дисциплины. Есть единая воинская дисциплина, требованія которой мало сознаются до настоящаго времени, и есть, конечно, дрессировка, увлеченіе которой не прошло и по сей день.

Оставаясь на почвѣ ранѣе высказанныхъ нами соображеній, мы не можемъ согласиться съ такимъ, напримѣръ, опредѣленіемъ профессора Кузьмина-Караваева: „Воинская дисциплина — есть совокупность условій, опредѣляющихъ взаимныя отношенія между начальниками и подчиненными“. Ничего, кромѣ чисто-формальнаго, сухого начала соблюденія извѣстныхъ условій и требованій закона, въ такомъ опредѣленіи мы не усматриваемъ и никакъ не можемъ признать, чтобы въ подобной совокупности условій и заключалась „душа арміи“.

Болѣе цѣнными являются тѣ опредѣленія и соображенія, въ которыхъ отмѣчается внутренне-дѣйственное начало войска и ставится въ связь съ понятіемъ дисциплины.

„Если военный бытъ“, говоритъ Лоренцъ Штейнъ въ своемъ трудѣ, „Ученіе о военномъ бытѣ, какъ часть науки о государствѣ“, „который стоитъ столькихъ жертвъ всему народу и каждому отдѣльному гражданину, дѣйствительно долженъ соответствовать своей цѣли, то каждый солдатъ не только не долженъ нарушать права, но и устраивать всю свою жизнь и все свое поведеніе такимъ образомъ, чтобы они согласовались съ существомъ и задачей военного быта“. Такую обязательность опредѣленнаго поведенія военнотружущаго Штейнъ называетъ дисциплиной. Дисциплина требуетъ, чтобы каждый не только воздерживался отъ дисциплинарныхъ проступковъ, но и чтобы онъ подчинялъ себя этому порядку во всемъ своемъ даже не строго служебномъ поведеніи. Признаку самостоятельности удѣляется особое вниманіе въ трудахъ Геккера и Марка. Первый изъ нихъ опредѣляетъ дисциплину, какъ „надлежащее отношеніе солдата къ обязанностямъ своего званія и къ своимъ начальникамъ, а также надлежащее поведеніе его внѣ службы и независимо отъ своего званія“. Въ первой части приведеннаго опредѣленія выражены требованія такъ называемой служебной дисциплины, а во второй — дисциплины въ широкомъ значеніи этого понятія. Дисциплина требуетъ не только исполненія закона, но также и того, чтобы вся жизнь и цѣли солдата согласовались съ требованіями военного быта и задачами войска. „Данное войско хорошо дисциплинировано“, по мнѣнію Геккера, „если вообще во всемъ каждый солдатъ не только соблюдаетъ законы согласно требованіямъ долга, но если и вся его жизнь и его поведеніе во всѣхъ случаяхъ оказываются согласован-

ными съ задачами и сущностью войска. Поэтому слѣдуетъ всѣми возможными способами воспитывать въ солдатъ дисциплину, ибо боевой духъ достигается лишь послѣ долгихъ упорныхъ трудовъ".

Маркъ отмѣчаетъ особенно „самостоятельную, добровольную, свободно проявляющуюся сторону дисциплины, которая тѣмъ важнѣе, чѣмъ менѣе во время военныхъ дѣйствій, — гдѣ дисциплина всего нужнѣе, можетъ проявляться вліяніе приказаній и при томъ не только въ такихъ положеніяхъ, въ которыхъ и въ мирное время единичные люди дѣйствуютъ самостоятельно (какъ, напр., въ качествѣ ординарца, везущаго донесеніе, въ стрѣлковой цѣпи, стоя на часахъ, идя въ патруль), но и въ такихъ, въ которыхъ солдатъ привыкъ чувствовать руководство; это послѣднее легко можетъ не проявиться по той простой причинѣ, что бой могъ выхватить командира изъ рядовъ сражающихся. Въ такихъ случаяхъ выручаетъ только самостоятельное, добровольное подчиненіе своей личности до самозабвенія волю командующаго. Воинскій духъ требуетъ даже большаго, онъ требуетъ, чтобы добровольное подчиненіе возвышалось до чувства радостнаго при такомъ поглощеніи собственной личности. Далѣе Маркъ ссылается на § 28 нѣмецкаго устава полевой службы, который предписываетъ „отъ самаго молодого солдата до старшаго слѣдуетъ всегда и во всемъ требовать полнаго, сознательнаго добровольнаго отреченія отъ своей личности, духовно и физически. Только въ такомъ случаѣ можно довести войско до полнаго развитія его боеспособности въ согласованномъ дѣйствіи всѣхъ частей“.

Этотъ взглядъ на воинскую дисциплину находитъ себѣ послѣдователей и среди нѣкоторыхъ нашихъ военныхъ ученыхъ. Въ частности, проф. генераль Абрамовичъ-Барановскій находитъ, что „понятіе дисциплины гораздо шире простого и безусловнаго повиновенія волю начальниковъ; дисциплина, состоитъ не только въ пассивномъ исполненіи приказаній и установленныхъ правилъ, но и въ самодѣятельности солдата. Эта самодѣятельная сторона пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе въ наше время, когда отъ каждаго военнослужащаго требуется извѣстная дисциплина, когда по самому способу современнаго боя для начальниковъ затруднительно наблюденіе въ бою за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, и когда губительное дѣйствіе современнаго оружія требуетъ высокаго развитія нравственныхъ сторонъ войска и сознанія долга передъ отечествомъ“. Профессоръ Н. Фалѣевъ, признающій большую важность элемента самодѣятельности въ понятіи воинской дисциплины, опредѣляетъ послѣднюю, какъ „обязанность такого поведенія со стороны военнослужащаго, которое содѣйствуетъ арміи въ достиженіи ея задачъ“. По мнѣнію профессора Плетнева, „Скрещеніе творческой воли верховнаго вождя и вліяній государства создаетъ въ войскѣ, черезъ систему правилъ и обязанностей, особое умоначертаніе составляющихъ его массъ, которое даетъ въ результатъ дисциплину. Въ абстрактномъ своемъ означеніи это умоначертаніе составляетъ философское выраженіе отношенія войска къ важнѣйшимъ обязанностямъ своей жизни, — побѣды надъ врагомъ черезъ страданіе и смерть. Въ своемъ конкрет-

номъ выраженіи, дисциплина образуется изъ совокупности этическихъ и правовыхъ навыковъ, охватывающихъ все содержаніе воинскихъ цѣлей солдата“.

Не входя въ разсмотрѣніе каждаго изъ приведенныхъ опредѣленій въ отдѣльности, отмѣтимъ, что по широтѣ и глубинѣ захвата они являются, съ нашей точки зрѣнія, наиболее удовлетворительными. Въ этихъ опредѣленіяхъ, удѣляющихъ такъ много вниманія нравственной природѣ воинской дисциплины, прощупывается уже бѣшеніе жизни, та душа арміи, которую мы желаемъ опредѣлить въ общемъ понятіи. Но удовлетворить насъ вполнѣ они не могутъ. Дѣйствительно, въ самодѣятельности солдата и въ его поведеніи, согласованномъ съ интересами арміи, они видятъ нѣкоторую сущность, имѣющую самостоятельную цѣнность. Это не такъ. Сущность должно усматривать исключительно въ особомъ душевномъ состояніи воина, томъ состояніи, которое опредѣляетъ все дальнѣйшее поведеніе его. Согласно съ интересами арміи поведеніе воина само по себѣ еще не опредѣляетъ степени дисциплинированности воина, ибо оно можетъ имѣть характеръ явленія случайнаго или истекающаго изъ какихъ-либо чуждыхъ арміи побужденій. Важна именно сущность, самый характеръ воина, совокупность заложенныхъ въ немъ нравственныхъ привычекъ, которыя съ неумолимой послѣдовательностью опредѣляютъ весь образъ жизни и дѣйствій воина до мельчайшихъ деталей. Такимъ образомъ, надлежащее поведеніе, о которомъ ранѣе говорилось, можетъ быть признано лишь результатомъ, послѣдствіемъ воинской дисциплины. Последняя есть та сущность, которая сильнѣе смерти и ведетъ воина не только къ формальному исполненію закона, но и святому подвигу самоотреченія и самопожертвованія во имя высокихъ идеаловъ. Эта сущность есть всеопредѣляющее движущее творческое начало, и она не можетъ быть отождествляема ни съ поведеніемъ воина, ни съ какими другими внѣшними проявленіями его личности. Воинская дисциплина есть не только душа арміи, но и душа каждаго воина въ отдѣльности.

Если мы обратимся къ анализу воинскаго служенія, то мы увидимъ, что все оно построено на принципѣ самоотреченія и самоограниченія. Этотъ принципъ проникаетъ во всѣ поры воинскаго дѣла, властно опредѣляетъ мельчайшія детали въ повседневной жизни солдата, и въ минуту испытанія ведетъ его на смерть. Личные интересы воина должны склониться передъ интересами арміи, ступаться, отойти на второй планъ и не заявлять о себѣ тогда, когда властно говоритъ голосъ воинскаго коллектива. Если могучее чувство самосохраненія смертельнымъ ужасомъ сжимаетъ сердце воина передъ грозной опасностью; если голосъ живого существа рвѣно и отчаянно заявляетъ о своихъ правахъ на жизнь передъ лицомъ грядущей неумолимой смерти, то воинъ долженъ найти въ себѣ великія силы, дабы противостоять этимъ могучимъ побужденіямъ физической природы и исполнить свой долгъ до конца. Но этого мало, онъ долженъ исполнить его не какъ рабочая скотина подъ

бичемъ своего господина, а какъ гражданинъ, во имя долга и въ сознаниіи своей нравственной обязанности.

Переходя затѣмъ къ мелочамъ воинскаго служенія, мы увидимъ здѣсь все то же возведенное въ систему самоограниченіе. Воинъ долженъ ограничить свои желанія и тогда, когда тоскующій голодь сердца зоветъ его къ близкимъ, оставленнымъ въ далекомъ краю, быть можетъ, въ горь и нуждѣ, онъ долженъ ограничить себя и тогда, когда, стоя на посту, онъ борется со смертельной усталостью и т. д.

Невольно возникаетъ вопросъ, какая же это могучая сила, которая сильнѣе смерти, сильнѣе всѣхъ личныхъ желаній война? Какая это сила, которая можетъ автоматически опредѣлять всѣ дѣйствія его и сообщить имъ такой же характеръ обязательности, какъ вліяніе закона тяготѣнія на физическія тѣла? Какая это, наконецъ, сила, которая, подчинивъ себѣ личность воина и опредѣливъ всѣ его желанія и поступки, вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить его индивидуальность свободнаго гражданина и сообщить его дѣйствіямъ духовную красоту высокыхъ достижений?

Сила это одна — нравственность.

Она разлита въ природѣ человѣческихъ обществъ, роднитъ съ Божествомъ и является непремѣннымъ и обязательнымъ условіемъ всякаго общежитія и культурнаго развитія человѣчества. Исторія даетъ многочисленные примѣры того, что нравственность дѣйствительно сильнѣе смерти и можетъ повести на жертвенный подвигъ въ озареніи радостнаго и спокойнаго духа. Все это настолько понятно; что мы не будемъ распространяться о значеніи нравственной силы. Скажемъ просто, что основнымъ требованіямъ воинскаго служенія необходимо сообщить силу нравственныхъ навыковъ, которые неудержимо влекли бы солдата по пути исполненія долга. Дѣйствительно честнымъ мы называемъ не того человѣка, который побуждается къ извѣстному поведенію страхомъ наказанія или желаніемъ выгоды, а только того, кто не можетъ быть нечестнымъ, въ силу заложенныхъ въ немъ нравственныхъ принциповъ. Только при этомъ условіи армія можетъ быть признана дисциплинированной, и только тогда она явится надежнымъ орудіемъ въ рукахъ вождя.

Только въ этомъ случаѣ получается полная увѣренность въ ея образъ дѣйствій и въ томъ, что дни тяжелыхъ испытаній не принесутъ намъ горькихъ разочарованій. Это именно и есть та почва, на которой растутъ „дубовые лѣса“, т. е. создается несокрушимая мощь арміи. При этомъ условіи, полное всякихъ лишеній и страданій служеніе воина озарится свѣтомъ высокыхъ идеаловъ, и представитъ въ сознаниіи его легкимъ и радостнымъ дѣломъ во имя блага отечества.

Въ душѣ воина долженъ быть заложенъ опредѣленный комплексъ нравственныхъ навыковъ и идей, который будетъ властно побуждать его къ исполненію своего долга, и опредѣлять его по-

веденіе какъ по службѣ, такъ и внѣ ея, до послѣднихъ мелочей, въ полномъ соотвѣтствіи съ интересами арміи.

Поведеніе лица, воспитаннаго въ принципахъ нравственности, не можетъ зависеть ни отъ какихъ случайныхъ мотивовъ и побужденій. Определенный способъ дѣйствій становится его натурой и всякое невольное даже отступленіе отъ пути, предначертаннаго вѣдѣніями нравственныхъ началъ, влечетъ за собою серьезныя душевныя страданія. На стражъ исполненія нравственныхъ завѣтовъ стоитъ неумолимый и недремлющій стражъ — наша совѣсть и всякій, измѣнившій имъ, прежде всего испытаетъ муки тягчайшаго раскаянія, которыя часто будутъ значительнѣе самыхъ суровыхъ каръ закона. Никакая другая сила, никакіе другіе побудительные мотивы и двигатели человѣческой воли, не могутъ по силѣ своего дѣйствія идти въ сравненія съ этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ могучимъ стимуломъ — нравственностью. Только она по справедливости можетъ быть названа душою воинскаго коллектива, въ которомъ, по особымъ задачамъ и характеру его дѣятельности требуется исключительное напряженіе нравственной силы, извѣстный пафосъ нравственнаго подвига.

Это положеніе мы выводимъ не путемъ отвлеченныхъ разсужденій, но тщательнымъ и внимательнымъ изученіемъ структуры войска и непреложныхъ законовъ, по которымъ оно живетъ и дѣйствуетъ. Мы не закрываемъ глаза на то, что ранѣе существовали и побуждали арміи, гдѣ дисциплины въ нашемъ пониманіи мы не найдемъ, но это не является серьезнымъ аргументомъ противъ приведенныхъ соображеній, такъ какъ несомнѣнно нѣкоторыя боевыя достиженія могли быть получены и путемъ одной лишь дрессировки, но сфера примѣненія ея, съ культурнымъ развитіемъ человѣчества и переходомъ къ народнымъ арміямъ, уменьшается съ каждымъ днемъ и въ настоящее время сведена почти къ нулю. Муштровка теперь можетъ имѣть мѣсто какъ одинъ изъ приемовъ воспитанія, направленнаго къ одной основной задачѣ, — выдренію извѣстныхъ нравственныхъ навѣсковъ въ душу солдата, но не какъ способъ подавленія человѣческой личности и обрабачиванія ея въ бездушнаго, машинообразнаго исполнителя.

По мысли эрцгерцога Іоанна Сальваторъ, „дисциплина, сокрушающая личную волю, не есть дисциплина, ибо послѣдняя ни что иное, какъ добровольное и сознательное отреченіе отъ личной воли. А для того, чтобы отказаться отъ воли, надо прежде всего, чтобы она существовала"... „Ротный командиръ“, говоритъ генераль М. Драгомировъ, „сильно ошибается, вообразивъ себѣ, что, обучая людей употребленію штыка, стрѣльбѣ, эволюціямъ, пользованію мѣстностью, онъ сдѣлалъ все необходимое и что остальное само собою усвоится. Можно быть совершеннымъ въ фехтовальномъ искусствѣ, въ стрѣльбѣ и т. д. и въ то же время не имѣть ни малѣйшаго понятія о военномъ долгѣ. Старайтесь же прежде всего вкоренить въ солдатъ чувство военнаго долга, развейте въ его го-

ловъ идеи чести и честности, укрѣпите и возвысьте его сердце, а остальное придетъ само собою".

Такимъ образомъ, мы получаемъ право сказать, что воинская дисциплина — есть воинская нравственность, какъ одинъ изъ видовъ общечеловѣческой нравственности; вообще она должна быть разсматриваема какъ совокупность живущихъ въ войскѣ понятій — о воински — добромъ и зломъ, честномъ и безчестномъ и т. п.

Эти начала, будучи путемъ воспитанія вѣдрены въ душу воина, даютъ то, что принято называть воинской дисциплинированностью и что можетъ быть определено, какъ особое нравственное состояніе солдата, виѣшнимъ образомъ проявляющееся въ такой самодѣятельности его, при которой интересы войска во имя нравственного долга поставляются имъ во всѣхъ случаяхъ выше противодѣйствующихъ личныхъ его интересовъ.

Естественно можетъ возникнуть вопросъ, имѣются ли достаточныя основанія для того, чтобы говорить въ данномъ случаѣ объ особой воинской нравственности, и не является ли она по существу тою же общегражданскою нравственностью, съ нѣсколькими несущественными видоизмѣненіями, въ соотвѣтствіи съ требованіями воинской службы. Вѣдь не приходится же устанавливать различныя градации нравственныхъ требованій въ зависимости отъ нахождения лица на государственной или общественной службѣ или по какимъ либо другимъ признакамъ его профессиональныхъ занятій? Почему же именно войску отводится такое обособленное положеніе и чѣмъ оно вызывается?

Ниже мы постараемся дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Здѣсь же считаемъ необходимымъ указать, что, конечно, воинская нравственность по сокровеннымъ источникамъ своимъ вполнѣ совпадаетъ съ нравственностью общегражданской, общечеловѣческой. Въ философскомъ пониманіи этихъ терминовъ нѣтъ и не должно быть никакого различія. Но оно есть въ чисто практической сторонѣ, въ объемъ и характеръ нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ къ гражданину съ одной стороны и воину-гражданину — съ другой. Для послѣдняго являются обязательными не только начала общегражданской нравственности, но и нѣкоторыя совершенно спеціальныя. Эти дополнительныя требованія настолько велики и значительны, что они составляютъ цѣлый кодексъ спеціально воинской практической морали, почему въ этомъ случаѣ не только можно, но и должно говорить о нравственности именно воинской.

Но повторимъ, нравственность въ основѣ своей едина, и всякая попытка истолковать интересы арміи, какъ самодовлѣющее начало, подчасъ не согласное съ основными принципами общегражданской нравственности, представляется безусловно неправильной и чреватой самыми тяжелыми послѣдствіями. Это будетъ рѣшительнымъ шагомъ

къ деморализаціи и уничтоженію войска. Въ конечномъ итогѣ всякая воинская нравственность должна покоиться на твердомъ базисѣ общегражданскихъ добродѣтелей и имѣть своимъ началомъ чувство патриотизма и дѣйственную любовь къ Родинѣ.

Но все же спеціальныя требованія воинской морали настолько значительны по своему характеру и объему, что мы имѣемъ полное основаніе говорить о воинской нравственности, какъ о самостоятельной категоріи, со своимъ особымъ содержаніемъ.

Отмѣтимъ по этому вопросу мысли фонъ-деръ Гольца, который, между прочимъ, говоритъ: „Не слѣдуетъ думать, что въ благонравной націи дисциплина есть нѣчто самостоятельное и природное, что она сама собою вытекаетъ изъ гражданской морали. Для этого слишкомъ тяжелы тѣ испытанія, которымъ солдаты подвергаются. Разумѣется, въ рядахъ арміи культурнаго народа преступность должна быть во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ между боевымъ сбродомъ грубыхъ народностей. Однако, дисциплина требуетъ большаго, нежели только отрицательнаго проявленія. Она требуетъ отъ солдата, чтобы онъ жертвовалъ жизнью ради побѣды надъ врагомъ. Она побуждаетъ его совершать дѣйствія непривычныя, причемъ должна внушить ему необходимость ихъ такъ убѣдительно, чтобы они казались ему совершенно обычными, даже натуральными. Самое лучшее объясненіе сущности дисциплины и ея чудодѣйственной силы мы находимъ у Дарвина, въ его „Происхожденіи видовъ“, гдѣ онъ говоритъ, что превосходство дисциплинированныхъ солдатъ надъ необузданными дикими массами есть главнымъ образомъ послѣдствіе чувства довѣрія, которое каждый дисциплинированный солдатъ питаетъ къ своимъ товарищамъ. Такое безусловное довѣріе, безъ сомнѣнія, является самымъ благороднымъ средствомъ воздѣйствія дисциплины и оно ясно указываетъ своеобразность того, что мы разумѣемъ подъ этимъ избитымъ терминомъ“.

Въ общемъ же, какъ мы указывали выше, воинская нравственность отличается отъ общегражданской какъ по содержанію, такъ и по характеру нравственныхъ требованій. Обратимся къ разсмотрѣнію этого содержанія.

ГЛАВА III.

Кодексъ общегражданской морали включаетъ въ себя положенія, относящіяся какъ до интересовъ отдѣльной личности, такъ и общества. Вслѣдствіе этого, дѣйствія, посягающія на жизнь, честь, личную неприкосновенность индивида, а также дѣйствія антисоціальныя, вредящія обществу, какъ организованному единенію людей, признаются по общему правилу безнравственными. Что же касается нравственности воинской, то она остается всегда въ сферѣ интересовъ войска и здѣсь устанавливаетъ и отдѣляетъ должное отъ недолжнаго. Все что не согласно съ интересами войска, что способствуетъ ослабленію и разрушенію его, то по кодексу воинской морали должно признаваться безнравственнымъ. Интересомъ же войска мы будемъ считать не только все то, что является цѣлью существованія войска или служить къ удовлетворенію потребностей воинскаго быта, но также и то, что облегчаетъ достиженіе этой цѣли. Въ этой области интересовъ общества и арміи мы безъ труда увидимъ крупную и существенную разницу. Общество, въ зависимости отъ степени своего развитія, въ различныя эпохи существованія не въ одномъ и томъ же смыслѣ понимало свой интересъ. Въ потокъ времени, по мѣрѣ культурнаго развитія, существенно мѣнялся общественный идеаль и взгляды на дурное и хорошее, т. е. слѣдовательно, требованія нравственности. Это станетъ совершенно понятнымъ, если мы сравнимъ кодексъ нравственныхъ требованій у народовъ дикихъ и у современнаго культурнаго человѣчества. Здѣсь разница не только въ объемѣ и степени разработки нравственныхъ положеній, но и въ самомъ характерѣ и ихъ существѣ.

Если мы обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ основныхъ нравственныхъ требованій, соблюденіе коихъ было поставлено подъ охрану уголовного закона, то мы увидимъ картину полной измѣнчивости и непостоянства. Въ процессѣ эволюціи мѣнялась не только внѣшняя форма, но исчезала и самая сущность многихъ деликтовъ. Лучшимъ тому доказательствомъ является справка, приводимая Тониссеномъ изъ области еврейскаго законодательства. Изъ десяти преступленій, которыя еврейскій законъ наказывалъ побиваніемъ камнями, — девять перестали въ нашемъ европейскомъ обществѣ даже считаться за преступленія, а десятое осталось преступленіемъ, но совсѣмъ въ иномъ отношеніи. „Какова социальная организація“, говоритъ Тардъ, „такова и преступность: въ Египтѣ большой штрафъ налагался на того, кто занимался общественными дѣлами, въ нашемъ же демократическомъ обществѣ, напротивъ, законно наказываютъ избирате-

лей, которые воздерживаются отъ голосованія. Какова цѣль, таково и средство. Карательныя мѣры только орудіе. Эти народы нисколько не обманывались, считая добродѣтелью тѣ чувства, которыя мы иногда осуждаемъ. Система добродѣтелей, точно такъ же какъ и системы преступленія и порока мѣняются вмѣстѣ съ ходомъ исторіи. Въ глазахъ арабовъ тремя главными добродѣтелями были мужество, гостепріимство и кровавая месть, а не честность, любовь къ труду и благотворительность". Точно также мѣняется взглядъ и на относительное значеніе различныхъ преступленій. Въ средніе вѣка самымъ большимъ преступленіемъ было святотатство, затѣмъ мужеложество, а ужъ потомъ убійство и кража. Въ Египтѣ и Греціи считалось преступленіемъ оставить безъ погребенія родителей. „Можетъ быть“, говоритъ далѣе Тардъ, „наступить моментъ, когда важнымъ преступленіемъ на переполненномъ земномъ шарѣ будетъ многочисленное семейство, а мы знаемъ, что прежде стыдно было не имѣть дѣтей“.

Возникаетъ вопросъ, такъ же ли эволюціонировало во времени понятіе преступнаго въ воинской средѣ и представляетъ ли здѣсь смѣна этихъ понятій такую же калейдоскопическую пестроту?

Мы думаемъ, что нѣтъ. Несомнѣнно, что съ измѣненіемъ государственныхъ формъ мѣнялась и общественная оцѣнка войска, какъ фактора государственной жизни, мѣнялось вслѣдствіе этого и самое положеніе войска въ средѣ другихъ государственныхъ установленій. Отъ грозной формулы „подъ оружіемъ молчатъ законы“ длиннымъ путемъ историческаго развитія человѣчество пришло къ установленію совершенно противоположнаго по смыслу положенія — „мечъ склоняется передъ тобою“. Отъ государственнаго быта на кастовыхъ началахъ съ воинами во главѣ тѣмъ же путемъ пришли къ демократическому государству, армія котораго есть народъ подъ ружьемъ. Передъ нами, такимъ образомъ, эволюція громаднаго значенія и глубокаго смысла. Но затрагивала ли она самое существо воинскихъ требованій, и мѣнялись ли вмѣстѣ съ измѣненіемъ положенія войска въ государствѣ также и способы достиженія своихъ задачъ войскомъ, какъ единеніемъ вооруженныхъ людей? Намъ кажется, что смѣна политическихъ взглядовъ на назначеніе войска, на роль его въ средѣ государственнаго организма нисколько не затрагивала сокровенной сущности войска, какъ самостоятельнаго организованнаго цѣлаго, и не измѣняла основныхъ условій и положеній воинской жизни.

Дѣйствительно, съ первыхъ моментовъ своего бытія и до настоящихъ дней, войско, проходя черезъ историческую измѣнчивость фактовъ, черезъ различные періоды эволютивнаго развитія народа, на пространствѣ вѣковъ имѣетъ одинъ неизблемый и неизмѣнный свой собственный смыслъ существованія и живетъ своею собственною жизнью, содержаніе которой почерпается въ вѣковѣчныхъ обязанностяхъ его единого призванія. Это призваніе — побѣда надъ врагомъ посредствомъ вооруженной борьбы. Какое бы положеніе ни занимало войско въ государствѣ, какое бы

вліяніе оно ни оказывало на внутреннія и внѣшнія дѣла государства, никогда не умирало сознание этого единственнаго и соответствующаго природѣ вещей признанія. Въ туманѣ вѣковъ яркою путеводною звѣздою свѣтился смыслъ этого призванія и онъ наложилъ на все содержаніе воинскаго быта печать неизмѣнности и гранитной устойчивости. Въ этомъ существенное различіе между государствомъ и войскомъ. Первое не имѣло и не имѣетъ ясно сознанной точной и строго опредѣленной конечной цѣли своего бытія. О ней можно писать, говорить, спорить, но она не предстоить во-очію и всегда остается скрытой подъ непроницаемой завѣсой грядущихъ вѣковъ.

Каждый періодъ развитія общества, въ согласіи съ господствующими въ немъ идеалами и пониманіемъ задачъ государства, выдвигалъ свои цѣли и свои средства къ ихъ осуществленію. Въ процессъ историческаго развитія народовъ мѣнялись боги, которымъ молились, мѣнялись святыни, которыя чтили, и труднымъ извилистымъ путемъ идетъ человѣчество къ невѣдомой и загадочной цѣли. Вслѣдствіе этого мѣнялись, какъ мы указали выше, взгляды общества въ оцнѣнъ людей и то что считалось ранѣе дурнымъ, то становилось хорошимъ и на оборотъ. Другое положеніе въ войскѣ. Последнее есть организмъ искусственно созданный а непосредственная цѣль, поставленная въ началъ его бытія, не измѣнилась до сего времени, да по смыслу существованія войска и не можетъ измѣниться. А разъ цѣль ясна, то должны быть примѣнены опредѣленные средства; если указанъ конечный результатъ, должны быть избраны опредѣленные пути. Если цѣль эта — побѣда надъ врагомъ путемъ вооруженной борьбы, то съ момента возникновенія войска должно было установиться опредѣленное понятіе о воинскихъ добродѣтеляхъ и оставаться неизмѣннымъ до нашихъ дней; то, что вредило силѣ войска ранѣе, вредитъ ему и теперь, то, что считалось съ воинской точки зрѣнія похвальнымъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, то въ общемъ продолжаетъ сохранять свой характеръ и въ наши дни, и несомнѣнно будетъ сохранять до конца существованія войска.

Для успѣшнаго выполненія конечной цѣли своего бытія, войско должно быть прежде всего сильно духовными своими качествами; оно должно представлять во многообразіи своихъ членовъ единый организмъ, сила котораго въ согласованности дѣйствій всѣхъ составныхъ его частей и въ ихъ нравственнымъ воодушевленіи. Ранѣе, какъ и теперь, войско не могло существовать безъ строгаго соблюденія въ его средѣ принциповъ самопожертвованія, мужества, повиновенія, чинопочитанія, исправнаго несенія своей должности и т. п. Только то полезно для войска, что даетъ ему, какъ физической силѣ, наибольшую мощь и сокрушительность въ дѣйстви, только это и является хорошимъ съ чисто воинской точки зрѣнія. Совершенно ясно, что не было и не можетъ быть войска, въ которомъ бы трусость, неповиновеніе и т. п. были бы возведены въ принципъ. Эти начала губятъ армію и потому они должны быть признаны воински безнравственными. Наоборотъ, все укрѣпляющее войско и способствующее достиженію основной цѣли его, — побѣдѣ надъ врагомъ, —

должно быть признано воински-нравственнымъ. Сюда мы отнесемъ, какъ указали выше, способность къ самопожертвованію, чинопочитаніе, повиновеніе и пр. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что основныя требованія воинской нравственности остались неизмѣнными въ своемъ существѣ на пространствѣ тысячелѣтій.

Въ этомъ первое и существенное отличіе нравственности воинской отъ общегражданской. Конечно, за это время измѣнялись методы примѣненія вооруженной силы, измѣнялись принципы тактики и стратегіи, исчезали одни роды оружія и возникали другіе, но это не отражалось на существѣ нравственныхъ требованій, — древній воинъ, сражавшійся на колесницѣ или слонѣ, долженъ былъ быть также готовъ къ самопожертвованію, какъ и современный летчикъ. Могли лишь мѣняться нравственныя воззрѣнія, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ основному призванію войска. Эта сфера общей нравственности воина претерпѣвала съ теченіемъ времени и въ связи съ измѣненіемъ положенія войска въ государствѣ, т. е. съ измѣненіемъ его политической, но не боевой роли, существенную эволюцію. Прежде, во времена обособленнаго существованія войска и полной оторванности его отъ гражданскаго населенія, солдатскія добродѣтели базировались на другомъ фундаментѣ, чѣмъ теперь. Иные чувства и интересы влекли солдата къ исполненію своего долга и съ другой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на самую сущность своего призванія. Но все это не могло внести измѣненія во взглядъ на сущность воинскихъ добродѣтелей въ тѣсномъ смыслѣ. Теперь, какъ и тысячи лѣтъ тому назадъ, солдатъ долженъ былъ стремиться къ одной конечной цѣли — къ побѣдѣ надъ врагомъ. И если въ такомъ стремленіи имъ ранѣе двигали другіе чувства и интересы, то это могло имѣть отношеніе и вносить измѣненія лишь въ гражданскій нравственный обликъ бойца, а не въ кодексъ солдатскихъ добродѣтелей въ узкомъ смыслѣ, независимо отъ гражданскаго состоянія воина. Вотъ почему ранѣе не считалось преступнымъ и безчестнымъ разграбленіе городовъ, жестокое обращеніе съ жителями и пр. Все это не имѣетъ никакого отношенія къ воинской нравственности въ нашемъ пониманіи и не колеблетъ принципа неизмѣнности требованій этой нравственности для всѣхъ временъ и народовъ. Вслѣдствіе этого мы получаемъ возможность точно установить всѣ элементы воинской нравственности и ихъ детально изучить. Такое положеніе ставить насъ въ особенно выгодныя условія по сравненію съ изслѣдователемъ нравственности общегражданской и этимъ обстоятельствомъ мы должны воспользоваться для укрѣпленія мощи арміи и установленія въ ней системы воспитанія, соотвѣтствующей общимъ интересамъ.

ГЛАВА IV.

Другое основное отличие воинской нравственности от общегражданской заключается въ возвышенности ея требованій. Въ этомъ случаѣ мы будемъ имѣть въ виду не идеальныя требованія и завѣты возвышенныхъ религіозныхъ и философскихъ системъ, а ту практическую мораль, слѣдованіе правиламъ которой является обязательнымъ для членовъ организованнаго единенія людей. Въ этой области отъ каждаго отдѣльнаго гражданина не требуется какого-либо героизма и исключительнаго напряженія духовныхъ силъ. Общежитіе невозможно, если никто не уважаетъ чужихъ правъ, нарушаетъ блага другихъ и злонамѣренно вторгается въ ту сферу, которая отведена ближнему для свободнаго осуществленія его личныхъ цѣлей и желаній. Въ этомъ случаѣ на землѣ воцарился бы адъ и стихійное самоистребленіе въ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ. И вотъ для того, чтобы этотъ адъ не имѣлъ мѣста, къ гражданину и обществу въ цѣломъ обращается извѣстный минимумъ нравственныхъ требованій, часть которыхъ при этомъ ставится подъ охрану уголовного закона (не убій, не укради и пр.). Для мирнаго сожительства въ средѣ себѣ подобныхъ не требуется исключительнаго проявленія нравственнаго воодушевленія и актовъ героизма и самоотверженія. Требуется только не нарушать чужихъ интересовъ и, живя, давать жить другимъ. Подъ солнцемъ должно хватить мѣста для всѣхъ, и каждый долженъ получать право на пользованіе воздухомъ и свѣтомъ и на безпрепятственное осуществленіе преслѣдуемыхъ имъ въ жизни незконопротивныхъ цѣлей и задачъ. Поэтому и практическая мораль не обращается къ людямъ съ какими либо особо тягостными требованіями и не претендуетъ на серьезныя жертвы и лишенія. Это по существу правила социальнаго поведенія — они обязываютъ каждаго согласовать свои дѣйствія съ общимъ интересомъ и во всемъ придерживаться такого образа дѣйствій, который могъ бы стать правиломъ общаго поведенія (формула Канта).

Вотъ почему идейное самопожертвованіе, презрѣніе къ личному благу во имя общихъ интересовъ расцѣпываются въ гражданскомъ обществѣ какъ героизмъ, какъ подвигъ, вызывающій восторженное удивленіе и преклоненіе человѣчества.

И вотъ именно то, что для гражданина является высочайшимъ идеаломъ, то, что далеко превосходитъ всѣ требованія обязательной практической морали, то является непрѣмнымъ жизненнымъ закономъ для войска, основой его практической морали, закрѣпленной

положительнымъ правомъ. Такимъ образомъ, героическое для гражданскаго общества является обыденнымъ, прозаическимъ для каждаго воина. Онъ каждую минуту долженъ быть готовъ принести въ жертву самое дорогое — свою жизнь. Никогда такихъ требованій ни практическая мораль, ни тѣмъ болѣе положительный законъ не предъявляетъ къ лицу гражданскаго состоянія. И это даетъ особый повышенный тонусъ, исключительный пафосъ нравственнымъ переживаніямъ воина. Послѣдній долженъ воспитать въ себѣ дѣйственное чувство самоотреченія. Но этого мало, воинское служеніе не является эпизодомъ въ его личной жизни, — оно захватываетъ все его существованіе и не только на поляхъ сраженій, но и въ будничной работѣ требуетъ постоянного непрекащающагося подвига. Это, конечно, не слова. Мало красиво умереть на полѣ сраженія, можетъ быть гораздо труднѣе всю свою жизнь согласовать съ интересами арміи и въ незамѣтномъ, неустанномъ трудѣ, подвигѣ самоусовершенствованія и самоограниченія стать воиномъ, полезнымъ для отечества.

Мы ранѣе уже указывали, что военная организація не мыслима безъ воинской дисциплины, которая требуетъ во всѣхъ случаяхъ самоотверженно преслѣдовать интересы арміи, хотя бы они и шли въ разрѣзъ съ частными, личными интересами. Тамъ, гдѣ воцаряется произволъ, неповиновеніе и преслѣдованіе личныхъ, эгоистическихъ интересовъ, тамъ нѣтъ войска; поэтому вышеуказанное требованіе повседневнаго подвига не является преувеличеніемъ или какимъ-либо условіемъ идеальнымъ. Повторяемъ, это непрѣмное условіе существованія войска и потому совершенно обязательное для каждаго военнослужащаго. Въ этомъ нѣтъ никакой заслуги, здѣсь только прямой, неумолимый долгъ. Вотъ почему интересы войска должны проникнуть во всѣ поры жизни воина, властно опредѣлить его поступки и образъ поведенія. Допустимое и безразличное для гражданина съ нравственной точки зрѣнія, часто является совершенно непозволительнымъ для воина. Вспомнимъ слова вашей христіанской воинской присяги... „вѣрно и величественно служить, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови... тѣломъ и кровію, въ полѣ и крѣпостяхъ, водою и сухимъ путемъ, въ баталіяхъ, партіяхъ, осадахъ и штурмахъ и въ прочихъ воинскихъ случаяхъ храброе и сильное чинить сопротивленіе“... Этимъ клятвеннымъ обѣщаніемъ закрѣпляются высокія идеи воинскаго служенія, нетлѣнная красота самопожертвованія сводится на землю и героическое дѣлается будничнымъ и строго обязательнымъ. Все, что ослабляетъ мощь войска, способствуетъ его разложенію и нарушаетъ его интересы не должно имѣть мѣста въ жизни воина. Это положеніе налагаетъ на него громадную ограниченія и придаетъ особый характеръ многимъ его дѣйствіямъ и поступкамъ. Съ этой точки зрѣнія характеръ преступности пріобрѣтаютъ такія сравнительно невинныя въ гражданскомъ обществѣ дѣйствія, какъ на примѣръ, приведеніе себя въ состояніе опьяненія. Въ жизни воина все должно быть спроектировано въ плоскость интересовъ арміи и все, что понижаетъ ея мощь, должно быть особенно

строго карается. Кражи казеннаго имущества, а также у своихъ сослуживцевъ, посягательства на ихъ жизнь, здоровье и честь приоб-рѣтаютъ въ войскѣ особенно тяжкій характеръ, такъ какъ помимо нарушенія интересовъ казны или личныхъ, здѣсь прежде всего нарушаются интересы арміи, поскольку всѣ эти дѣйствія ослабляютъ мощь ея. Кража, напримѣръ, у своего сослуживца поражаетъ интересы одного изъ воиновъ и косвенно колеблетъ интересъ цѣлаго, въ составъ котораго этотъ воинъ входитъ. Во всѣхъ такихъ поступ-кахъ неизмѣнно заключается элементъ воинской безнравственности, который отягчаетъ вину дѣятеля. Подъ другимъ угломъ зрѣнія пред-станутъ для насъ и многія такія дѣйствія, которыя въ гражданскомъ обществѣ не только не вызываютъ какого либо осужденія, но даже поощряются. Нельзя не признать, что такое, напримѣръ, утвержде-ніе личнаго счастья, каковымъ является бракъ, не вполне соответ-ствуетъ высокимъ идеаламъ воинскаго служенія. Онъ обычно вно-ситъ въ жизнь воина раздвоеніе, лишаетъ его энергіи въ неуклон-номъ достиженіи общихъ интересовъ и до крайности осложняетъ выполненіе имъ своего долга въ боевой обстановкѣ. Онъ опутываетъ существованіе воина цѣпкими нитями жизненныхъ отношеній, ото-двигаетъ на второй планъ высокій идеаль и вмѣсто нетлѣнной кра-соты подставляетъ призрачное лицо земныхъ, эгоистическихъ дости-женій. Протекшая на нашихъ глазахъ Великая война лишь подтвер-ждаетъ правильность этого положенія. Что же касается гражданской войны, также хорошо извѣстной на практикѣ большинству изъ насъ, то здѣсь неблагоприятное вліяніе т. н. „семейнаго“ вопроса проявилось въ особенно рѣзкихъ формахъ, на каждомъ шагу затрудняя успѣшное веденіе боевыхъ операцій и обременяя скудную казну совершенно непроизводительными расходами. Во всякомъ случаѣ, каж-дый воинъ долженъ твердо усвоить себѣ, что въ брачномъ его со-стояніи нѣтъ рѣшительно ничего достойнаго, и что если такая ошибка имъ сдѣлана, то на ней не надлежитъ обосновывать какихъ-либо своихъ правъ на дополнительныя привилегіи. Наоборотъ, нужно стремиться сдѣлать ее по возможности менѣ чувствительной для интересовъ войска.

Возможныя указанія на то, что при безбрачій офицеровъ (въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти только о нихъ) устраняется дѣй-ствіе началъ наслѣдственности, а также благотворное вліяніе до-машняго воспитанія въ военныхъ традиціяхъ подросткающаго поко-лѣнія, — лишены серьезнаго значенія. Слишкомъ мало отмѣчено въ жизни случаевъ передачи по наслѣдству талантовъ вождя и слиш-комъ неблагоприятны результаты такого искусственнаго, ненормаль-наго воспитанія, при которомъ военное дѣло становится ремесломъ, рутиной, фамиліной профессіей. Во много разъ предпочтительнѣе положеніе, при которомъ военному дѣлу будутъ отдаваться моло-дые люди, уже сознательно относящіеся къ жизни и почувствовав-шіе дѣйствительное призваніе къ этому высокому служенію.

Безъ преувеличеній мы можемъ сравнить войско съ громаднымъ военнымъ монастыремъ, гдѣ кристаллизуется алмазъ высокихъ воин-

скихъ добродѣтелей. Все это сообщаетъ воинскому служенію особый характеръ, совершенно несвойственный другимъ родамъ государственной службы. Лишь въ этомъ характерѣ, ставящемъ военнослужащаго въ исключительное положеніе рыцаря высокиихъ нравственныхъ началъ, всегда готоваго къ подвигу самопожертванія, можно видѣть причину существованія въ средѣ войска особо обостреннаго пониманія личнаго достоинства и той „честь мундира“, которая вслѣдствіе нѣскольکو легкомысленной ея трактовки получила особо одіозный характеръ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ выродилась въ задорную, боевую формулу, вызывающую иногда справедливое раздраженіе въ средѣ гражданскаго общества. Этого, конечно, не должно быть, если воинъ всегда и во всѣхъ случаяхъ будетъ твердо помнить, къ чему обязываетъ его „честь мундира“. Честь эта несомнѣнно громадна, но нужно ее понять до конца и умѣть поддерживать въ жизни на соответствующей высотѣ.

ГЛАВА V.

Переходя къ воспитанію солдата, мы ограничимся въ этомъ отношеніи лишь немногими словами, не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе способовъ и пріемовъ воспитанія. Прежде всего укажемъ на громадное значеніе этого воспитанія въ дѣлѣ созданія тѣхъ нравственныхъ навыковъ, которые въ совокупности своей даютъ состояніе воинской дисциплинированности. Ясно, что это состояніе достигается именно воспитаніемъ, какъ особой системой различныхъ мѣръ, направленной къ опредѣленной цѣли, т. е. въ даномъ случаѣ къ дисциплинированію солдата. Подъ воспитаніемъ въ широкомъ смыслѣ, мы, придерживаясь опредѣннй, ранѣе дававшихся въ нашей литературѣ, будемъ понимать совокупность той искусственно созданной окружающей человѣка обстановки, той комбинаціи воздѣйствующихъ на него силъ, которая можетъ устранить доступъ однихъ впечатлѣннй и создать впечатлѣннй, а слѣдовательно и мотивы, новые. Очевидно воинское воспитаніе отличается отъ воспитанія въ широкомъ смыслѣ лишь спеціальными цѣлями своими и нѣкоторыми измѣненіями въ средствахъ достиженія ихъ, согласно съ новой обстановкой, отличной отъ таковой же въ средѣ гражданскаго общества. Это приблизительно тѣ же мѣры, которыя примѣняются при воспитаніи въ семьѣ, учебномъ заведеніи, но, конечно, значительно усиленныя и видоизмѣненныя въ соответствіи съ исключительной важностью дѣла воспитанія солдата.

Значеніе правильной постановки воспитанія въ войскѣ настолько велико, что въ нашей литературѣ мы можемъ найти даже примѣръ смѣшенія воинскаго воспитанія съ дисциплиной. Такъ, профессоръ кн. Друцкой опредѣляетъ воинскую дисциплину, какъ „воинское воспитаніе, развивающее въ военно-служащемъ способность сознательно и во имя нравственной обязанности подчинять свою волю — волю

верховнаго вожда". Конечно, съ такимъ опредѣленіемъ согласиться невозможно. Въ немъ ясно обнаруживается смѣшеніе причины съ вытекающимъ изъ нея слѣдствіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ воспитанія воинской дисциплины быть не можетъ, такъ точно какъ не можетъ быть индивидуальной нравственности. Однако, комбинація воспитывающихъ челоука силъ состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣръ и усилій, основанныхъ на различныхъ особенностяхъ челоуческой природы и объединенныхъ въ своемъ несходствѣ и внѣшнемъ многообразіи одной лишь внутренней цѣлью. Мы совершенно не понимаемъ, какъ совокупность различныхъ, иногда совершенно механическихъ средствъ, можетъ быть отождествляема съ нравственнымъ воодушевленіемъ, опредѣленнымъ складомъ нравственныхъ привычекъ и той внутренней силой, которая даетъ войску единство и побуждаетъ его къ самоотверженному исполненію своего долга. Въ данномъ случаѣ прекрасное и величественное зданіе нравственнаго совершенства строится изъ разнообразнаго сырого матеріала, лишеннаго подчасъ всякой привлекательности, подобно тому, какъ и шедевръ архитектурнаго искусства, производящій глубокое и неизгладимое впечатлѣніе на нашу душу, произошелъ изъ соединенія камня, извести, желѣза, дерева и т. п.

Если никто не скажетъ, что душой нашей владѣтъ, вознося ее на высоты поэтическаго восторга, именно камень или известь, воплотившіе возвышенныя проявленія челоуческаго генія, такъ точно нельзя сказать, что войскомъ движетъ воспитаніе, какъ грубый матеріалъ, при посредствѣ котораго конкретизируются въ душѣ солдата идеи любви и высокой нравственности. Какъ отличны движенія молекулъ, составляющихъ челоуческій мозгъ, отъ прекрасныхъ произведній челоуческаго генія, какъ внѣшняго выраженія этой работы; какъ отличны дѣйствія при натирании сукномъ каучуковой палочки отъ появляющейся вслѣдствіе этого натирания электрической энергіи, — такъ отлично воспитаніе отъ нравственности. Одно есть механизмъ, служащій извѣстной цѣли, другое, — самодѣлѣющая и самоцѣнная сущность, стихійная въ своемъ свободномъ обнаруженіи.

Въ ряду воспитательныхъ мѣръ отмѣтимъ наказаніе, поощреніе и примѣръ. Признавая большое значеніе наказанія въ ряду другихъ средствъ воспитанія, мы считаемъ, однако, необходимымъ предостеречь отъ излишняго имъ увлеченія. Легче всего въ затруднительныхъ положеніяхъ прибѣгать къ этому универсальному средству, и именно эта легкость для воспитателя обязываетъ его избѣгать пользованія имъ во всѣхъ случаяхъ, когда цѣль можетъ быть достигнута другими не столь болѣзненными мѣрами. Нельзя забывать, что злоупотребленіе наказаніемъ способно вызвать ожесточеніе, обезличить и запугать воспитуемаго и порвать между нимъ и воспитателемъ ту живую связь довѣрія и уваженія, при которой только и возможны положительные результаты воспитанія. Конечно, военное дѣло — есть дѣло суровое, требующее во многихъ случаяхъ рѣшительныхъ мѣръ. Но нельзя смѣшивать систему продуманныхъ

воспитательныхъ мѣръ съ тѣми средствами, которыя въ исключительныхъ случаяхъ обязанъ примѣнять начальникъ въ общихъ интересахъ. Взбунтовавшееся войско поздно ужъ воспитывать и для спасенія положенія не только допустимы, но и необходимы крайнія мѣры, но ихъ нужно по возможности избѣгать внѣ такихъ положеній, въ повседневной работѣ воспитателя — начальника. Къ сожалѣнью, это не всегда понимается. О мѣрахъ поощренія много говорить не приходится. Важность ихъ признана и нашла выраженіе въ различныхъ наградахъ чинами, орденами, повышениями по службѣ и пр. Гораздо чаще забывается громадное вліяніе хорошаго примѣра. Главнымъ образомъ въ немъ нужно видѣть то средство, которое даетъ начальнику безграничное довѣріе подчиненныхъ, привлекаетъ къ нему ихъ сердца и дѣлаетъ души ихъ мягкимъ воскомъ въ его рукахъ. Только на этой почвѣ возможно успешное нравственное воспитаніе и достиженіе результатовъ, необходимыхъ для интересовъ войска. Громадное вліяніе примѣра основано на способности подражанія, столь развитой у человѣка. Послѣ блестящихъ изслѣдованій въ этой области французскаго ученаго Тарда не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что воспитаніе примѣромъ есть единственно-разумное воспитаніе. Между тѣмъ это положеніе очень часто забывается начальниками, которые на глазахъ у своихъ подчиненныхъ показываютъ примѣръ неисполненія законовъ и тѣхъ самыхъ требованій, въ обязательности которыхъ они желаютъ убѣдить подвѣдомственныхъ имъ чиновъ. У насъ существуетъ требованіе, чтобы солдатской наукѣ обучать не рассказомъ, а показомъ. Слѣдуетъ помнить, что такой „показъ“ совершенно обязателенъ и въ области нравственнаго воспитанія. Общій грѣхъ нашъ въ этомъ отношеніи настолько великъ, что наше улучшеніе и исправленіе должно пойти прежде всего по этой линіи строгаго соблюденія всего того, что мы требуемъ отъ своихъ подчиненныхъ. Чѣмъ выше начальникъ, тѣмъ важнѣе становится такое поведеніе, ибо на него обращены тысячи внимательныхъ и, конечно, критикующихъ глазъ. Наша великая разруха показала, какъ далеко простирается въ этомъ отношеніи внимательность солдата и сколь неблагоприятны для насъ выводы онъ дѣлаетъ изъ всякаго безнаказаннаго нарушенія начальникомъ закона. Въ этомъ корень зла и причина злоупотребленія наказаніемъ тамъ, гдѣ утрачена живая связь между начальникомъ и подчиненнымъ.

Такимъ образомъ, мы еще разъ видимъ, насколько ответственна роль офицеровъ, какъ главныхъ воспитателей, и какъ строги они должны быть къ самимъ себѣ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Но если дѣйствительно въ войскѣ на это обращено должное вниманіе, и вновь вступающій въ ряды его сразу попадаетъ въ особую атмосферу, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ интересы войска, а его сослуживцы и начальники соревнуютъ между собою въ наилучшемъ исполненіи долга, то дѣло воспитанія въ такомъ случаѣ явится, несомнѣнно, и легкимъ и успешнымъ. Хорошій примѣръ сразу определитъ линію поведенія новобранца и, спустя короткое время, онъ

станеть смотрѣть на интересы арміи, какъ на нѣчто высшее, святое и не терпящее никакихъ компромиссовъ.

Въ противномъ случаѣ дѣло воспитанія можно считать почти потеряннымъ и никакія наказанія бѣдѣ не помогутъ. При первомъ же серьезномъ испытаніи это скажется самими тяжкими результатами.

ГЛАВА VI.

Заканчивая настоящее изслѣдованіе, мы считаемъ необходимымъ остановиться на нѣкоторыхъ пунктахъ его, въ интересахъ болѣе привильнаго ихъ пониманія.

Прежде всего, напрасно было бы усматривать въ нашихъ взглядахъ какую-либо излишнюю идеализацію или чрезмѣрную прямолинейность. Намъ кажется, что въ развитіи своей темы мы шли строго логическимъ путемъ, считаясь съ реальными интересами войска. И если этотъ путь приводитъ къ опредѣленнымъ положеніямъ, то съ ними обязательно считаются, какія бы тяжкія обязанности при этомъ на насъ не возлагались. Въ своемъ теоретическомъ изслѣдованіи мы задались цѣлью дать понятіе о воинской дисциплинѣ и поставить передъ военнслужащимъ долгъ его во весь ростъ, не прибѣгая къ уверткамъ и компомиссамъ.

Естественно, что возвышенное по своей идеѣ воинское служеніе требуетъ отъ каждаго изъ насъ въ служебной и личной жизни слишкомъ многого, и это многое мы должны, наконецъ, точно и ясно опредѣлить и сознать.

Уже ранѣе выдающимися военными мыслителями высказывались вѣрныя и заслуживающія вниманія мысли о воинской дисциплинѣ и о нравственной сторонѣ воинскаго служенія. Эти взгляды по возможности отмѣчены здѣсь; подвергнуты критикѣ и извѣстному углубленію, въ результатъ чего мы и пришли къ предлагаемому опредѣленію воинской дисциплины. Если оно правильно, то прочее вытекаетъ изъ него совершенно естественнымъ, логическимъ путемъ.

Конечно, нельзя забывать о чисто теоретическомъ характерѣ этого опредѣленія, вслѣдствіе чего оно не можетъ быть безъ соотвѣтственнаго измѣненія перенесено въ воинскіе уставы, для практическаго дѣла обученія и воспитанія солдатъ. Исходя изъ него, соотвѣтствующимъ постановленіямъ закона надлежитъ придать болѣе доступную форму, понятную для всѣхъ обязанныхъ знать этотъ законъ. Въ концѣ концовъ, нравственная сила войска достигается не исчерпывающимъ и совершенно точнымъ опредѣленіемъ понятія воинской дисциплины, а надлежащей системой воспитанія.

Поэтому законодатель можетъ не добиваться совершенныхъ формъ въ этомъ направленіи, но долженъ безусловно достигнуть того, чтобы соотвѣтственныя требованія уставовъ были до мелочей

проникнуты субстанціей морали и содержали въ себѣ ясное и доступное понятіе о долгѣ солдата. Если бы нашъ Уставъ Дисциплинарный и на будущее время сохранилъ нынѣ содержащееся въ немъ теоретически неправильное опредѣленіе воинской дисциплины, то въ практическомъ отношеніи это не повлекло бы за собою особенно нежелательныхъ послѣдствій, но при томъ, однако, непрѣмномъ условіи, чтобы указанія на нравственную сторону воинской дисциплины и на долгъ военнослужащихъ всѣхъ степеней отъ самыхъ старшихъ до младшихъ были приведены въ опредѣленную систему и преподаны со всею полнотою и исчерпывающей ясностью. Это дѣло, конечно, невозможно осуществить безъ точнаго пониманія содержанія воинской дисциплины и надлежащаго его теоретическаго опредѣленія. Задача теорій указывать пути для практической дѣятельности.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что главная тяжесть обязанностей, налагаемыхъ воинскимъ служеніемъ, должна падать на корпусъ офицеровъ. О значеніи его, какъ воспитателя и руководителя арміи, не приходится много говорить. Отъ силы и душевной бодрости его зависитъ мощь арміи и надлежащая постановка дѣла воинскаго воспитанія. Если для рядовыхъ солдатъ, находящихся въ средѣ войска въ теченіе непродолжительнаго срока ихъ дѣйствительной службы, представляется затруднительнымъ непреклонное слѣдованіе всѣмъ многообразнымъ требованіямъ воинской нравственности, то для офицера это является безусловно обязательнымъ, какъ первѣйшій и основной его долгъ. Если для солдата военная служба является все же „отбываніемъ воинской повинности“, то для офицера это всегда и во всѣхъ случаяхъ должно быть высокимъ служеніемъ, которому онъ отдается добровольно, по нравственному побужденію. Впрочемъ, не нужно преувеличивать трудности многихъ достиженій также и для рядовой массы солдатъ. Въ настоящее время, въ культурныхъ государствахъ, она вступаетъ въ ряды войска съ отчетливымъ пониманіемъ своего гражданскаго долга и опредѣленнымъ комплексомъ нравственныхъ, социальныхъ навыковъ, на основѣ которыхъ легко строить зданіе воинской дисциплины. Мы не закрываемъ глаза на то, что въ рѣшительную минуту боевого испытанія въ основные кадры арміи волнется потокъ людей, среди которыхъ найдутся даже не ознакомленные съ требованіями военнаго дѣла.

И все же считаемъ, что и въ этомъ случаѣ первенствующее значеніе будетъ принадлежать тому духу и пониманію воинской дисциплины, который живетъ въ дѣйствующихъ войскахъ и корпусѣ офицеровъ. Какъ бы ни были велики потери среди этихъ лучшихъ обученныхъ людей въ первые дни войны, все же общій тонъ армейской жизни создается ими, и отъ нихъ зависитъ въ кратчайшій срокъ дать надлежащее руководство вновь вступающимъ въ ряды арміи и своимъ примѣромъ воспитать ихъ и сдѣлать ихъ достойными своими преемниками. Повторяемъ, это не такъ ужъ трудно, принимая во вниманіе общій уровень нравственнаго и умственнаго развитія запасныхъ, отставныхъ и другихъ категорій,

призываемъ въ военное время. Во всякомъ случаѣ, если бы въ этомъ отношеніи и встрѣтились какія-либо трудности, то это будетъ говорить не противъ высказанныхъ нами соображеній, а исключительно за необходимость обратить вниманіе на надлежащее воспитаніе гражданина, дабы подвигъ, котораго отъ него можетъ потребовать государство, призвавъ его подъ знамена, былъ бы для него понятенъ еще въ гражданскомъ состояніи. Конечно, при невозможности этого достигнуть, въ рукахъ государства всегда остается сила принужденія, но тогда уже нужно не забывать, что въ такомъ случаѣ войска въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова нѣтъ, а есть соединеніе вооруженныхъ людей, до поры, до времени, подчиняющееся приказаніямъ своихъ начальниковъ. Наконецъ, наиболее спорнымъ можетъ показаться многимъ мысль о безбрачій корпуса офицеровъ. Пояснимъ прежде всего, что эта мысль имѣетъ характеръ пожеланія, а не категорическаго требованія. Эта формула имѣетъ характеръ евангельскаго изреченія: „Могій вмѣстити, да вмѣститъ“. Въ данномъ случаѣ мы хотѣли показать крайнія, совершенныя достиженія офицера въ служеніи общему дѣлу и заставить задуматься надъ этимъ всѣхъ тѣхъ, кто вступаетъ въ бракъ по шаблону, потому, что это дѣлаютъ другіе, не задаваясь мыслью, насколько это нужно именно для него, и въ какой мѣрѣ это соотвѣтствуетъ общимъ интересамъ. Далекіе отъ мысли подкрѣпляютъ такое положеніе какими-либо цифрами и примѣрами, что по существу дѣла едва ли и возможно, мы выставляемъ его, какъ идеальное пожеланіе, съ глубокою увѣренностью, что въ немъ гармонически сочетаются польза дѣла съ высокою духовной красою.

Л. Толстой въ одномъ изъ своихъ произведеній по вопросу объ установленіи нравственнаго идеала отмѣтилъ аналогію, существующую въ данномъ случаѣ между лицомъ, стремящимся къ нравственному усовершенствованію, и мореплавателемъ, — послѣдній, находясь въ плаваніи, можетъ ориентироваться либо по мѣстнымъ видимымъ предметамъ, либо по компасу и небеснымъ свѣтиламъ. Въ нашей душѣ живетъ горячее, страстное желаніе, чтобы въ военномъ дѣлѣ, отрѣшившись отъ рутинъ и привычекъ каботажнаго плаванія, мы смѣло пошли бы въ отк. гое море, навстрѣчу необытному горизонту и немеркнущимъ небеснымъ свѣтиламъ. Міръ знаетъ много талантовъ и геніевъ, ставшихъ таковыми, несмотря на сковывавшія ихъ семейныя цѣпи, но міръ можетъ лишь догадываться о тѣхъ изумительныхъ достиженіяхъ, которыя были бы возможны безъ этихъ тяжкихъ узъ.

Совершенно не претендуя на полноту и глубину приводимыхъ здѣсь соображеній, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ вопросъ о воинской дисциплинѣ настолько кардинальнымъ и важнымъ для бытія войска, что въ этой важности готовы найти извиненіе для настоящей попытки, быть можетъ слабой и несовершенной.

А. ПОПОВЪ.